

<<О. В. Творогов>>

<<ЯЗЫК «ВЛЕСОВОЙ КНИГИ»>>

В предисловии «От составителя» А.А. Алексеев пишет о статьях О.В. Творогова: “...две публикации О. В. Творогова, подготовленные в свое время по заданию Академии наук, в состав второй из них¹ [т.е. данной, к рассмотрению которой мы сейчас переходим] вошло первое полное издание текста «Влесовой книги», а также фрагменты перевода, осуществленного Б. А. Ребиндером². В настоящем переиздании из второй обширной статьи взят только раздел, посвященный языковым вопросам, тогда как прочее, включая и текст «Книги», опущено. Сегодня текст доступен читателю в многочисленных изданиях А. И. Асова.” Выше, в статье “К спорам о «Влесовой книге»” О.В. Творогов замечает, что издания текста ВК подаются А.И. Асовым “в реконструированном им виде”, и все-таки, по мнению как О.В.Т., так и других противников ВК, они и другие “несколько переводов ВК” могут дать “представление о ее содержании”. Как мной уже было подчеркнуто, это противоречит научному подходу, поэтому позиция “официальных ученых” становится так еще более запутанной и неясной, и, возможно, это не случайно.

О.В.Т. начинает свою статью так: <<Языковой анализ древнего текста — тема огромной работы. Требуется рассмотреть и описать палеографию памятника, сделать обзор его фонетики, грамматического строя, лексического состава, а в некоторых случаях и стилистики. Именно такого анализа заслуживала бы и ВК, будь она действительно памятником древнеславянского языка. Но, как мы уже видели и увидим дальше, перед нами фальсификат, и подтвердить этот вывод можно, даже ограничившись весьма беглым обзором, — настолько очевидна искусственность ее текста.>>

Да, все это так, “языковой анализ древнего текста — тема огромной работы”. Но, поскольку, по мнению О.В.Т., ВК такого анализа не заслуживает, т.к. “официальные ученые” а priori³ сочли Влескнигу подделкой, из “беглого обзора” ему становится “очевидна искусственность ее текста”.

Далее О.В.Т. пишет: <<Так как к данной статье могут обратиться не только специалисты-филологи, необходимо сделать некоторые общие пояснения.>>

То есть, получается, что “специалистам-филологам” должно быть всем и так ясно, а “общие пояснения” — для неспециалистов.

Далее О.В.Т. пишет: <<С. Лесной (а вслед за ним и наши отечественные защитники ВК) ставит вопрос так: ВК написана не на всем известном церковнославянском (старославянском) и не на «классическом» древнерусском языке, а отражает какой-то «язык» или «диалект», который филологам-славистам неизвестен. Поэтому оценивать ВК по меркам того или иного древнеславянского языка нельзя. Этот тезис, кажущийся, возможно, неспециалистам весьма убедительным, основан на заблуждении.>>

Оказывается, что тезис о том, что “ВК написана не на всем известном церковнославянском (старославянском) и не на «классическом» древнерусском языке, а отражает какой-то «язык» или «диалект», который филологам-славистам неизвестен” “основан на заблуждении”. Что же это за заблуждение?

¹ По-русски вообще-то логичнее было бы написать “из которых”. — *НС*.

² Творогов О. В. «Влесова книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 170—254. — *НС*.

³ Лат. нар. априори, независимо от опыта, до опыта. — *НС*.

Далее О.В.Т. пишет: <<В том, что ВК написана на славянском языке, сомнений быть не может: лексика ВК, безусловно, славянская. Значит, речь должна идти лишь о том, что перед нами некий язык, так же как и остальные славянские языки восходящий к языку общеславянскому, но трансформировавший его по своим, особым законам.>>

Ведь все-таки, как это признает и О.В.Т., “ВК написана на славянском языке” и в этом “сомнений быть не может”.

Далее О.В.Т. пишет: <<Сделаем уступку защитникам ВК и примем эту версию как исходную посылку для дальнейших рассуждений.>>

О какой уступке здесь говорит О.В.Т., неясно, т.к. он только что подтвердил, что “в том, что ВК написана на славянском языке, сомнений быть не может”...

Далее О.В.Т. пишет: <<Допустим, что ВК отражает некий неизвестный науке язык (назовем его «язык ВК»), зафиксированный на определенном этапе его истории, а именно в IX в. н. э. (так датирует ВК С. Лесной на основании того, что в ней упомянуты Аскольд и Рюрик). Мы видим при этом, что кругозор автора ВК ограничен территорией между Карпатами на западе и Волгой на востоке, Черным морем на юге и озером Ильмень на севере. Следовательно, язык ВК территориально относится к восточнославянским языкам. Но как только мы примем эти исходные посылки (а их примут, видимо, и защитники ВК), мы получим право анализировать язык ВК по тем же законам, что и любой другой славянский язык. А этот анализ приведет нас к совершенно определенному выводу: перед нами искусственный язык, причем «изобретенный» лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою, последовательно продуманную языковую систему.>>

Здесь О.В.Т. “допускает”, что язык ВК относится хронологически к IX в. н.э. Хотя действительно Аскольд и Дир во Влескниге упомянуты, и, возможно, под именем “Эрек/ Эрко” там фигурирует Рюрик, но эти фрагменты (дош. 6е, 7г, 8, 14, 29) представляют собой наиболее позднейшие части ВК. Другие же, более ранние части ВК, относятся явно к временам более древним, стало быть, и их язык древнее, поскольку при внимательном анализе ВК становится понятно, что эта книга — не цельное произведение одного автора (или редактора), а сборник, составленный из цитат произведений разновременных и, кроме того, написанных разными авторами на нескольких древних диалектах.

В данном абзаце О.В.Т. пишет, что “кругозор автора ВК ограничен территорией между Карпатами на западе и Волгой на востоке, Черным морем на юге и озером Ильмень на севере”. Это справедливо именно для упомянутых позднейших частей ВК; в других местах ВК упоминается о пребывании наших предков в совершенно других частях древнего мира, а это пребывание, как и отдаленность во времени, что очевидно при анализе некоторых частей ВК, не могли не оказать влияния и на язык. Таким образом, утверждение, что “язык ВК территориально относится к восточнославянским языкам”, справедливо только отчасти. Несомненно также, что нельзя обойти вниманием факт, что языковая ситуация славянских народов времени, предшествующего имеющимся письменным памятникам (кроме ВК), практически неизвестна и восстанавливается весьма условно. В силу этого “право анализировать язык ВК по тем же законам, что и любой другой славянский язык” получить не может никто. Иначе, например, анализ позднеболгарских памятников на основе древнеболгарских источников точно так же приведет к выводу, что это — “искусственный язык, причем «изобретенный» лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою, последовательно продуманную языковую систему”, и этот вывод будет казаться на менее основательным, т.к. изменения в болгарском языке гораздо более внушительны.

Далее О.В.Т. пишет: <<Об этом говорят и наблюдения над фонетикой и грамматикой языка ВК. Начнем с фонетики.>>

<<Как известно, некоторые фонетические элементы общеславянского языка впоследствии в разных группах славянских языков — восточнославянских, южнославянских и западнославянских — имели различную судьбу. Это явление достаточно хорошо изучено славистами, и основные сведения об этом процессе входят в круг обязательных знаний студентов-славистов. Как же протекали эти процессы в языке ВК? Рассмотрим несколько примеров.>>

Здесь О.В.Т. основывает свой анализ на представлении о существовании некоего, по мнению “официальных ученых” монолитного, общеславянского языка, причем — в не очень давнем прошлом. Так ли это, достоверно никому не известно, и есть противоположные мнения, что “...в общеславянском единстве оказались генетически разные диалекты. Не каждая диалектическая особенность обязательно моложе языковой основы, к которой она относится”⁴. Диалектные различия на территории позднейшего распространения великорусского языка отмечены во все время существования письменных источников, и эти диалекты начали унифицироваться только после повсеместного распространения радио и, в особенности, телевидения, поэтому просто абсурдно предполагать, что на такой обширной территории как Восточно-Европейская равнина мог существовать единообразный язык.

Далее О.В.Т. пишет: <<1. Для общеславянского языка характерно наличие редуцированных гласных, обозначавшихся в кириллическом алфавите буквами ѣ и љ. Эти буквы знает и ВК, и, следовательно, язык ВК содержал соответствующие звуки и обозначал их так же, как это делается в старославянских или древнерусских письменных памятниках. Но известно, что во всех славянских языках IX—XI вв. редуцированные в определенной позиции переходят в гласные полного образования (ѣ — в е, а љ — в о), а в другой позиции — исчезают. ВК отражает те же процессы, но чрезвычайно странно. Во-первых, в отличие от письменных памятников даже более позднего времени редуцированные отмечаются в ней крайне нерегулярно. ВК фиксирует как случаи прояснения гласных: *воспять* (1),⁵ *ден* (3а), *воспоемо* (3а), *доржава* (6а), *вержехомся* (6г), *до смертїе* (8), *долгъ* (10), *первїе* (11а) и т. д., так и опущение редуцированного в слабой позиции: *взяти* (2а), *уврже* (8), *пря* (9а) и др. Таким образом, придется допустить, что язык ВК обогнал в своем развитии (т. е. в процессе утраты редуцированных гласных) древнерусский язык по крайней мере на один-два века, а если говорить об орфографической традиции, то и того более: ведь даже в Успенском сборнике рубежа XII—XIII вв. мы находим написания: *въспоетъ*, *държава*, *върже ся*, *съмъртъ*, *дългъ*, *първый* и т. д.⁶>>

Переход редуцированных гласных в гласные полного образования называется еще “падением редуцированных”. Что касается “сроков падения редуцированных”, которые, как считается, “надежно установлены” как XII—XIII вв., можно сказать, что при даже кратком знакомстве с текстами новгородских грамот (как образцами народных письменных памятников XI—XV вв.) становится заметна непоследовательность употребления в них этих редуцированных гласных — как в самых ранних берестах, так и в самых поздних из найденных. Например, в берестяном тексте XIV (!) века читаем **поклоно** и **есемо** вместо ожидаемых “по правилам” **поклон(ъ)** и **есмь** — причем следует обратить внимание, что вместо ожидаемого “по правилам” гласного переднего ряда **ь** в **есмь**

⁴ Ф.П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — *НС*.

⁵ В скобках — номер дощечки. — Прим. к «Что думают—2004».

⁶ См.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. — Прим. к «Что думают—2004».

почему-то употреблен заднерядный чистый **о**, а ведь “по правилам” должно бы быть хотя бы **єсьмѣ**, или **єсмѣ**. Да и в «Повести временных лет» мы встречаем “градокѡ”, “**холомо**” вместо ожидаемых, опять-таки “по правилам” “градокѣ”, “**холомѣ**”. То есть, это примеры не “падения”, а вариантное употребление вместо редуцированных гласных полного образования (“прояснения гласных”). И это, возможно, и редкие, но весьма показательные случаи. Таким образом, особенности употребления редуцированных вполне могут свидетельствовать о факультативности и вариативности их употребления, в зависимости от диалектных особенностей, и в более широких, чем это постулируется учеными, временных границах. Крайне редкое употребление “ѣ” и “ѣ” на конце слов во Влескниге может быть объяснено и тем, что очень часто следом идут слова, начинающиеся на гласную, либо на плавную или шипящую согласную (и поэтому стечения неудобопроизносимых согласных на стыке слов не происходило), а также и широко распространенными в тексте «Влескниги» сокращениями.

Далее О.В.Т. пишет: <<Но в то же время мы встречаем в ВК ряд написаний, которые свидетельствуют о том, что составитель ее, видимо, плохо представлял историю редуцированных: он порой ошибочно заменяет ими исконные гласные полного образования: *твѣрѣи* (2а, 4а), *твѣрѣити* (2а), *бѣзи* (3а), *скѣти* (2а), *мѣлихомся* (3а), *зѣльто* (4в), *сѣнопоу* (15б) и т. д.>>

Если “историю редуцированных” представлять как прямолинейное необратимое, единообразное изменение, то такие написания, конечно же, ей противоречат. Но если учесть, что эти же самые редуцированные существуют в русском языке и по сей час, но только не там, где они были в раннем средневековье, а в безударных позициях, представляется вполне правомерным предположение, что процесс фонетических изменений в русском языке был, во всяком случае, значительно сложнее, чем это до сих пор представляется. Как еще одно небольшое подтверждение данной точке зрения можно привести просто поразительный пример, что Афанасий Никитин в «Хождении за три моря» пишет **ѣрда**, имея в виду “орда” (!), и таким образом очевидно, что еще в XV веке буква **ѣ** (“ер”) явно означала гласный, существующий в живой речи — и отчетливо распознаваемый как таковой, иначе здесь **ѣ** не был бы им написан вместо **о**. (Фактически, с учетом сказанного, можно сказать, они являются двумя вариантами одной фонемы).

Далее О.В.Т. пишет: <<2. Любопытна судьба звука **ѣ**, обозначавшегося в кириллическом алфавите буквой **ѣ**. Прежде всего отметим, что букву эту знает и алфавит ВК: она фигурирует на дощечке 1б, с которой, как известно, сделана прорись или, как утверждают, — фотография. Там с применением этой буквы написаны слова: *вѣрѣи*, *дѣлѣ*, *окудѣ*. Эта же буква встречается и на воспроизведении других дощечек: *сѣяти* (4б), *лѣта* (4б), *сѣща* (4б), *вѣщи* (4в), *вѣроваще* (6г), *побѣдену* (7б), *о брѣзѣх* (9б) и др., и, как видим, употребляется она для обозначения звука **ѣ** в этимологически обоснованных позициях. Но в то же время тот же звук обозначается на других (иногда даже и на тех же самых) дощечках буквосочетанием *ie*, как в современном польском языке: *віетва* (6в), *в зіміе студіенѣ* (7ж), *діельящесе* (8), *на сліед* (8), *віенчіе* (8), *сніезиць* (11б). Допустим весьма маловероятное: в графической системе ВК звук **ѣ** обозначался двумя разными способами — буквой **ѣ** и диграфом *ie*. Но этому допущению противоречит следующее: в ряде случаев мы встречаем взаимные замены букв: в Ж читается *раздѣленищесе*, *вѣньцѣ*, а в М — *роздіелщесе*, *віеньціе* и т. д. Чем это объяснить? Только тем, что обозначения звука **ѣ** выбирали сами публикаторы, то предпочитая традиционное кириллическое **ѣ**, то механически перенося в свой текст польские написания, лишь заменяя латиницу кириллицей. Влияние польского языка мы обнаружим не только в графике: именно польским произношением объяснимы такие написания, как *ляты* (5а,

6б, 6г, 7б), *вятром* (7г), *ліато* (8), *чіряслы* (8). Но и этим загадочные превращения звука ё не кончаются: мы встречаем отражение чисто украинской огласовки (появившейся не раньше XIV в.): *бида* (6а), *виру* (7а), *писне* (7б), *писень* (7г), *вире* (7з), *діда* (11а) и т. д.>>

Здесь О.В.Т. рассматривает “судьбу звука ё” (прямо в оторопь меня бросает это роковое слово “судьба”, употребляемое применительно к фонетическим процессам — но таков, видимо, жаргон “официальных ученых”...). Приведя несколько примеров, он делает допущение: “допустим весьма маловероятное: в графической системе ВК звук ё обозначался двумя разными способами — буквой ѣ и диграфом *ie*”. Зачем такие допущения? А затем, что загадочный “звук ё”, для обозначения которого специально выбрали такой символ, поскольку однозначно так и не решили, как этот звук произносился. Здесь О.В.Т. упоминает об “этимологически обоснованных позициях” написания ятя. Об этой ситуации В.И. Даль писал в своем словаре так: “Смысль и значенье буквы этой до того утрачено, что правописание чрезъ нѣе стало шатко, и прибегали для установленья правила то къ малорусскому языку, то къ особому списку Словаря Академіи”. Оправдание написания в одних словах “ятя”, а в других “е” (практически в равнозначных позициях) базировалось на изучении древних текстов и сравнении проблематичных в смысле написания “ятя” русских слов с родственными словами других славянских языков. И это как бы дало ученым право говорить об «этимологически правильных написаниях “ятя”». Но какова эта “этимологичность”, можно представить, увидев, что в Повести временных лет те же самые слова пишутся то через ѣ, то через е (иногда прямо тут же, в том же предложении): **кѣльямъ** и **кельямъ**, **нѣ есмы** и **не есмы**, **ведуща** и **вѣдуща**, и даже **свѣдѣтельствуетъ**, — конечно, такие примеры немногочисленны, но весьма показательны, т.к. в прямолинейную схему не вписываются, не объясняются и не упоминаются вообще. Вот такая “судьба” бедного “звука ё”, а также редуцированных и их “падения”. Да, древние источники действительно требуют обширного анализа с учетом современных данных и новых (а может, и не так новых) гипотез.

Далее здесь О.В.Т. пишет (имея в виду “звук ё”): “...тот же звук обозначается на других (иногда даже и на тех же самых) дощечках буквосочетанием *ie*”. Но если некий звук предполагаемого качества обозначается в фонетической записи (а древнерусская запись именно фонетична, этого никто не станет отрицать) другим образом, то это означает только — как это однозначно из определения данной системы записи фонетичной и следует — что это *другой* звук. Пусть похожий, но другой. И, проанализировав подобные случаи “мены” ѣ, е и *ie* во Влескниге и других доступных древнерусских источниках (ПВЛ, берестяные грамоты и др.), можно сделать предположение, что одной из основных характерных черт этого “загадочного” “звука ё” является его “мягкость”, т.е. это звук передне-среднего ряда (или звук среднего ряда, продвинутый вперед), среднего подъема и соответствует (а, вполне вероятно и тождествен ему) звуку [æ], еще сохранившийся в некоторых русских говорах, а также в словацком языке, но не на “этимологически обоснованных” “официальными учеными” позициях.

Далее О.В.Т. пишет о различии вариантов текста ВК (см. выше, о том, что текст ВК “известен <...> по публикациям в «Жар-птице» (далее — Ж), по машинописи, найденной в архиве Ю.П. Миролюбова в Аахене, и по машинописи, найденной в Сан-Франциско <...> Этот текст обозначим М”), представляя приводимые в данном абзаце различия как влияние польского языка. Причем он категоричен: “именно польским произношением объяснимы такие написания, как *ляты* (5а, 6б, 6г, 7б), *вятром* (7г), *ліато* (8), *чіряслы* (8)”. Но из биографических данных о Ю.П. Миролюбове и А.А. Куренкове (А. Куре) следует, что польский язык им известен не был — ведь они же не ученые-слависты, чтобы быть знакомыми со всеми славянскими языками.

Далее, встретив написания *бида* (ба), *виру* (7а), *писне* (7б), *писень* (7г), *вире* (7з), *дида* (11а), О.В. Творогов называет это “чисто украинской огласовкой (появившейся не раньше XIV в.)”. В сербскохорватском языке, среди его трех основных диалектов, в штокавском диалекте есть иекавский говор, где вместо форм “бела”, “дела” произносят “бијела”, “дијела”. А в икавском говоре такие слова как “цвет”, “реч”, “вера” произносятся “цвит”, “рич”, “вира”. Таким образом можно сделать вывод, что *вира* и т.п. Влескниги — “украинизмы” не более, чем сербские икавские “цвит”, “вира”, аналогично же — и чешские *bílý, víra*. Подобную “украинскую огласовку” в древнерусском тексте можно объяснить сербским влиянием — тех времен, когда сербы жили еще рядом с будущими украинцами. Либо, что логичнее, сделать такое предположение: в те времена область распространения произнесения *i* на месте “звука *ě*” захватывала территории, позднее относящиеся на западе к Чехии, на востоке — к Украине, а на юге — к Сербии, причем в пределах нынешнего сербскохорватского языка сохранились все три варианта произнесения этого звука. Однако и в текстах новгородских грамот находим такие, казалось бы, “украинизмы”: *диду* вместо *дѣду* (*дѣду*), *ним* вм. *нем* (*нѣм*, в смысле “немой”), *сином* вм. *сеномъ* (*сѣномъ*), *ким* вм. *кем* (*кѣмъ*), *клить* вм. *клетъ* (*клѣтъ*), *било* вм. *бѣла* (*бѣла*, в смысле “белка”). В последнем случае в существительном *женского* рода почему-то нормальное окончание *-а* заменено даже *-о*, — почему? Что скажет серьезный кабинетный ученый? Можно, однако, сделать вывод, что подобные данные подтверждают неустойчивость произношения *некоторых* (хотя бы) гласных *и в то* время.

Почему в языке Влескниги есть такие формы как *вира*, *дида*? Почему “*i*” (“*и*”) взаимозаменяется с “*ѣ*” и “*ѣ*”? Но даже в санскрите горы — *giri*; речь — *rik/ ric* (произн. “рик/рич”). На севере России, у архангелогородцев, например, было (наверное, и сейчас осталось) слово, означающее узкий пролив: “гирло”. А сербские говоры? А чешские *bílý, víra*? “Украинские” формы? Да, украинские — без заглавной буквы, потому что “украиной” называлась окраина, и сколько ни было у Руси окраин — все они назывались одно время “украинами”, и диалекты там явно должны были отличаться от занимавших более центральное (географически) положение.

Далее О.В.Т. пишет: <<Что же касается неоднократного написания *e* вместо *ѣ*, на что обратила внимание еще Л. П. Жуковская, то на фоне других несообразностей это смешение может показаться мелочью, всего лишь незначительным просчетом, но исследовательница специально подчеркивает, что такое смешение для IX в., которым, как помним, датируют ВК, «объяснено быть не может» и «свидетельствует против... достоверности» ВК.⁷ Все это также говорит об искусственности и графики, и орфографии ВК, о том, что фонетическая система языка ВК была придумана фальсификатором без достаточной последовательности. В реальном языке не могли бы сосуществовать три разных варианта произношения одного и того же звука в одной и той же фонетической позиции.>>

Здесь О.В.Т. пишет, что “еще Л. П. Жуковская” “обратила внимание”, что “что такое смешение для IX в. <...> «объяснено быть не может» и «свидетельствует против... достоверности» ВК”. Во-первых, Л.П. Жуковская писала не о “смешении”, а о “совмещении в одном памятнике <...> указаний на закрытое и одновременно на открытое произношение звука, восходящего к *ě*”, что, по ее (или ее начальства) мнению, а также “этимологически правильных написаний свидетельствует против его достовер-

⁷ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделки) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 144. См. наст. изд., С. 31—38. — Прим. к «Что думают—2004».

ности”. На самом деле это “совмещение” (или “смешение”, если О.В. Творогову такой вариант больше нравится) свидетельствует как раз о неустойчивости представлений “официальных ученых” о характере звука, обозначаемого ими так витиевато как “звук, восходящий к *ě*”, главной отличительной чертой которого является не его закрытое или открытое произношение, а его продвинутость в сторону переднего ряда.

По поводу же правомерности ссылки на языковую ситуацию IX века, на чем “официальные ученые” базируют свои выводы, можно сказать, что самые ранние из древнерусских литературных источников, к которым ученые могут сейчас прибегнуть, ограничены верхним временным пределом — XI веком.⁸ Как уже упоминалось, девятым веком можно датировать лишь самые поздние тексты Влескниги. Поэтому “такое смешение” не для IX (либо более позднего) века “объяснено быть не может”, а до сих пор не объяснен характер “звука *ě*”, т.е. ятя.

Далее О.В.Т. пишет: <<3. Известно, что древнерусский язык отличается от старославянского тем, что в нем исконное общеславянское сочетание *tj* обратилось в звук *ч*, тогда как в старославянском оно приобрело форму *щ*. Отсюда соответствия: *свѣча*, *печера*, *речи* в древнерусском и *свѣща*, *пещѣра*, *реци* в старославянском.>>

<<В языке ВК мы встречаем совершенно немислимые написания: рядом с верными — *часы* (2а), *час* (7в) — *щас* (4в), *щасе* (6в) и т. д. Но в этом слове звук *ч* естествен как в восточнославянских, так и в южнославянских языках, ибо он восходит отнюдь не к сочетанию *tj*, а к общеславянскому *кесо.⁹ Придуманность этой формы, а также таких написаний, как *щistou* (3а), *щасть* (4б), *щто* (7г), *щесть* (7з), *пренд ощесы* (7в), *до щцере* (12) и подобных — несомненна: они по законам языкового развития не могли возникнуть ни в одном славянском языке, и не случайно, например, слову *честь* в древнерусском и старославянском соответствует *чьсть*, в чешском *čest*, в польском *cześć*, в современном болгарском *чест*.>>

Надо отметить, что буква *щ* в опубликованных текстах дощечек «Влескниги» часто стоит на местах букв *щ* или *ш* (по современному правописанию). Предположительно, это может значить, во-первых, что эта буква (*щ*) произносилась, в силу диалектных отличий, как мягкое „*ш*“ или, мягкое же, „*ш’ч*“ (скорее всего, как первое, т.к. именно через эту букву пишется слово *нащѣ* в “Документе № 3”, о котором речь идет ниже); во-вторых, что, поскольку все эти три звука, *ш*, *щ* и *ч* — как, впрочем, и сами буквы, их обозначающие — похожи, то буква *щ* могла писаться вместо *ш* и *щ* (и наоборот), поскольку определенных жестких правил правописания не было.

Возможно и **другое объяснение** “мены” *щ*, *щ*, и *ш*. В своих «Тайнах...»¹⁰ А.И. Асов поместил *изображение до сих пор не публиковавшегося фрагмента «Влескниги»* с подписью: “Документ № 3, присланный Ю.П. Миролюбовым А.А. Куру 2 января 1954 года” (далее “02.01.54”), где Ю.П. Миролюбовым собственноручно написаны четыре строки, имитирующие письмо «Влескниги» (влесовицу). И по этой прорисовке можно уточнить, как выглядели варианты начертания букв на других дощечках.

Итак, что касается формы рассматриваемых букв (*щ*, *ш*, *щ*) на изображении дощечки 16а в «ВК 1990» и на других доступных на настоящий момент изображениях достаточного для этого качества, то можно выявить следующие особенности.

Буква *щ* на самом деле встречается на изображении текста дощечки 16а только один раз, в слове *Бѣщѣ*, и она именно имеет начертание, аналогичное встречающемуся два раза на

⁸ Существующие словари древнерусского языка все начинаются с XI века. — *НС*.

⁹ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд/ Под ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. М., 1977. Вып. 4. С. 28. — Прим. к «Что думают—2004».

¹⁰ Асов А.И. «Тайны...». С. 225. — *НС*.

изображении до сих пор не публиковавшегося фрагмента, помещенного в «Тайнах...», т.е. развернута по часовой стрелке на угол около 45°, по сравнению с ее более знакомыми, поздними вариантами начертания.

Во всех других случаях в транслитерации текста дощечки 16а (ВК 1990) вместо прекрасно просматривающихся на изображении начертаний буквы "ч" влесолицы (ϕ), 14 случаев употребления, почти везде "щ" — "почти", потому что три раза употреблено даже "ш"! Сравнив начертание этих букв на изображении данной дощечки в «ВК 1990» и уточнив их по изобразению в сборнике «Что думают... 2004» с начертанием таковых на прориси фрагмента ВК, опубликованного в «Тайнах...», можно обоснованно сделать предположение, что Ю.П. Миролюбов часто писал "щ" (ϕ) вместо "ч" (ϕ), а иногда и "ш" (ш) вместо "щ" (ϕ). Объяснение этому, во-первых, в непривычном начертании этих букв, а кроме того, в не всегда успешном вычленении Ю.П. Миролюбовым отдельных слов из сплошного текста дощечек. Вот пример, поясняющий последнее: в публикации транскрипции дощечки 16а 1990 года имеется фрагмент “iako вя ожеша oitay” — что понять практически невозможно, не предположив замену "ч" (ϕ) на "ш" (ш), замену "б" на "в" и неточное вычленение слов; с учетом этого получается гораздо более внятное *яко бя ожѣ ѿаѡ*¹¹ таѡ, т.е. “потому как было уже этому время”; кстати, именно эти предполагаемые мною буквы на изображении дощечки просматриваются превосходно. Кроме указанных, в небольшом (10 строк в оригинале, всего 451 знак) тексте дощечки 16а, путем сравнения печатного текста дощечки и изображения этого текста (по ВК 1990), удалось выявить 17 различий (!).

По поводу звука **ш** и буквы, обозначающей его на дощечке 16а, следует дополнительно отметить следующее. Этот звук встречается в тексте дощечки в четырех словах (ншѣмоч, ѿѡѡша, наша, ѣншѣ) — и только в первом слове начертание буквы, обозначающей **ш**, совпадает с привычным (ш), а в остальных трех случаях очевидно продолжение средней вертикальной линии (“мачты”) этой буквы, после пересечения с ее основанием, вниз! То есть, в таком начертании этот знак действительно напоминает букву ϕ (“щ”)! Связано ли это с предполагаемым ретушированием изображения, на что обратила внимание еще Л.П. Жуковская (1960), или с неразборчивостью исходного древнего изображения на самой дощечке, — либо, может быть, просто *так тогда писали?*.. Ведь и теперь в рукописном тексте часто не поймешь, написано ли “и” или “п”, или “н”, или даже “к”? То же относится и к современным рукописным “m” и “w”, а иногда даже и “ж”. Таким образом, описка ли это древнего автора или результат ретуши при копировании текста, сейчас решить невозможно.

Поэтому, учитывая возможность того, что Ю.П. Миролюбов часто писал "щ" (ϕ) вместо "ч" (ϕ), а иногда и "ш" (ш) вместо "щ" (ϕ), а также предположение о возможном произношении букв влесолицы ш, ϕ и ϕ, становится очевидно, что объяснения О.В.Т., что “...в этом слове звук ч <...> восходит отнюдь не к сочетанию *tj*, а к общеславянскому *keso” и ссылка на Этимологический словарь здесь представляются надуманными и излишними, тем более, что такое объяснение учитывает только одно слово, ϕѡ/ϕѡ, тогда как “путаницы” букв ш, ϕ и ϕ в тексте ВК гораздо больше.

Таким образом, “совершенно невысказанные написания”, на которые сетует О.В.Т. на проверку оказываются вполне объяснимыми и, вероятно, по крайней мере частично намеренными запутываниями читателя.

Далее О.В.Т. пишет: <<4. Весьма странна судьба носовых звуков *ę—ǫ*, обозначавшихся в кириллическом алфавите посредством букв **ѡ** и **ѣ** еще долгое время после своего исчезновения. В древнерусском языке носовые гласные, как сейчас полагают,

¹¹ Здесь ѿаѡ вместо ѿѡѡ. — НС.

отсутствовали, а буквы **ж** и особенно **л** употреблялись по традиции, как результат следования старославянским оригиналам. Вопреки этому, язык ВК сохраняет носовые, но обозначает их не буквами **л** и **ж**, которых его орфографическая система вообще не знает, а диграфом *en*. Уже это странно: следовало бы ожидать различных написаний для **ж** и **л**. Приведем такие сопоставления: *пентократо* (3а) — *п^лть*; *десенте* (4б) — *десять*; *ренка* (4б) — *р^жка*; *голомбь* (4в) — *гол^жбь*; *до стенге* (7в) — *ст^жзь*; *зенбы* (7г) — *з^жбь*.>>

<<Но, быть может, ВК, сохранившая обозначение произношения (!) носовых, тем самым утверждает свою древность, но тогда чем объяснить, что два разных звука — *o* и *e* — обозначаются в ней одинаково? Иными словами, как отметила еще Л. П. Жуковская, «писавший дощечки не имел в своем произношении носовых звуков, но слышал о них и потому употреблял сочетание *en*, как если бы носовые были... В результате появились несочетающиеся между собой принципиально разные закономерности: 1) как будто уже начался процесс утраты носовых гласных, причем носовое *o* совпало с *u*, а носовое *e* с *e*, то есть как гораздо позднее будет в сербском языке; 2) как будто носовые были акустически очень близки (*менж* и *гренде*), как в некоторых позициях станет позднее в польском языке; 3) как будто процесс утраты носовых гласных проходил не как фонетический, а как лексический, то есть свойственный отдельным словам».¹² Это последнее замечание относимо не только к лексемам, в составе которых содержались в древности носовые звуки: создатель ВК не знает законов развития языка, и поэтому во многих случаях в разных словах, но в одинаковых фонетических позициях мы встретим взаимоисключающие по фонетической природе написания.>>

Здесь О.В.Т. пишет, что «В древнерусском языке носовые гласные, как сейчас полагают, отсутствовали», но, несмотря на то, что это — всего лишь предположение («полагают»), по отношению к тексту ВК он уже категоричен: «Вопреки этому, язык ВК сохраняет носовые».

Но, прежде всего, язык во «Влескниге» — действительно не нормированный церковнославянский и находившийся под его влиянием среднерусский (до сих пор неверно называемый древнерусским).

Кроме того, несмотря на то, что для О.В.Т. «странно», что «два разных звука — *o* и *e* — обозначаются в ней одинаково» (попросту непонятно, откуда он берет такие представления), носовых во «Влескниге» не один, а два: кроме упомянутого О.В.Т. (*н* имеется, менее чем в десяти словах, и *он*: *бонаѣ*, *голомбѣ*/*голомбь*, *мондрѣ*, *отнонскѣ*, *зоуронжѣ*, *тон* (кстати, он сам, противореча себе, приводит выше как пример «*голомбь*»). Но справедливо ли высказывание О.В.Т., что «следовало бы ожидать различных написаний для **л** и **ж**»? Ведь им ожидается именно жестко зафиксированное в учебниках грамматики для «старославянского» употребление того или другого носового, но схема этой дистрибуции определена именно самими русистами. Ситуация здесь складывается просто однотипная описанной выше ситуации с «*ятем*». Т.е. сначала определяют, где этот знак писался, затем на основании этого составляют «правила» или списки слов, которые требуется заучивать «на *ять*», и говорят об «этимологических» **ѣ**, **л**, **ж**, тогда как истинную этимологию таких употреблений проследить достаточно далеко в прошлое попросту невозможно по причине отсутствия конкретных данных.

Но могут быть и другие решения этой проблемы. Эти как бы противоречия в «различных написаниях» им ожидаемых носовых — **л** (*e/ э^н*) и **ж** (*o/ o^н/ o^м*) — О.В.Т. сопоставляет по общепринятой классической модели, тогда как они вполне могут быть

¹² *Филин Ф. П., Жуковская Л. П.* «Влесова книга...» Почему не Велесова? (Об одной подделке) // Русская речь. 1980. № 4. С. 115. — Прим. к «Что думают—2004».

объяснены и по-другому, с привлечением польского. Для сравнения возьмем те же слова, которые рассматривает О.В.Т.: pięć [пеньчь] (*порядков.* pięty [п'о^нты]) — “пять”, ср. *пентократо* (*пѣтъ*), dziesięć [дъжещеньчь] (*порядков.* dziesiąty [джещ'о^нты]) — “десять”, ср. *десенте* (*десѣтъ*), ręka [рэ^нка] (*род. п. мн. ч.* rąk [ро^нк]) — “рука”, ср. *ренка* (*рѣка*), gołąb [голоуп] (*мн. ч.* gołębie [гоўэ^нбе]) — “голубь”, ср. *голомбъ* (*голѣбъ*), zęby [зэмбы] (*ед. ч.* ząb [зо^нп]) — “зубы”, ср. *зенбы* (*зѣбъ*). Слово со смыслом “стяг, знамя”, chorągiew, употребляемое сейчас в польском — производное от другого корня, поэтому прямой параллели разбираемому О.В. Твороговым слову *стенге* не найти, но, кажется и приведенных примеров вполне достаточно.

Вероятно, академический славист тут заметит, что слова из «Влескниги» О.В.Т. сравнивает с классическими “древнерусскими” (т.е. средневековыми) примерами, а сравнение их с современными польскими неправомерно. Право, откуда же взяты самому польскому?.. Конечно, из того же древнего языка, из которого и современный русский (да и вообще, именно польский на самом деле ближе всего к русскому, а не болгарский, которого и произношение, и грамматика весьма отличаются). Привлечение к объяснению польских примеров объясняется тем, и “русисты” это отлично знают, что в современных славянских языках могут сохраняться — и сохраняются — некоторые особенности раннего периода, которые помогают объяснить иначе необъяснимые факты, как современные, так и древние, языка русского — и наоборот, в русском может иметься что-то, помогающее лучше разобраться с другими славянскими. И хотя нам неизвестно в точности, каковы были общие черты более тысячи лет назад у тех диалектов, на основе которых развились современные русский и другие славянские языки (ведь кроме «Влескниги» других письменных памятников такой древности нет), и точно так же неизвестно, чем они отличались, на основе сопоставления однокоренных слов современных славянских языков и русского с находимыми в текстах «Влескниги» их соответствиями можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, о том, что язык текстов «Влескниги» не единообразен, а имеет выраженные диалектные особенности, и некоторые из них можно проследить в современных славянских языках — в частности, древнее чередование е—о в современном польском практически сохраняется, а в современном русском эти носовые звуки изменились в неносовые.

Во-вторых, если учесть наличие произносительных вариантов краткого санскритского **а**, который может произноситься и с оттенком **о** (т.е. как русский ъ), и практически как **е** (что, возможно, соответствует русскому **ѣ**), то на основе этого можно предположить, что подобное замещение или чередование могло быть возможным и для носовых. Этим же древним чередованием может объясняться и замена в русском древнего **е** (т.е., фонетически, э) в некоторых позициях звуком **о**, как в варианте заднего ряда (“твердом”), так и в продвинутом вперед (“мягком”) — фонетически **’о**, что обозначается современной буквой “ё”). В польском же, в позиции под ударением, этой замены не произошло (но в безударной позиции чередование может наблюдаться: pięśń — pięsenka, но jelen — jeleni), ср.: *русск.* **елень** — олень — *польск.* jelen; *русск.* **езеро** — озеро — *польск.* jezioro; *русск.* **есен** — осень — *польск.* jesień).

Таким образом очевидно, что процесс “утраты” носовых гласных — а точнее, их изменения — имел не фонетический, и не лексический, а лексическо-фонетический характер, поскольку на польских примерах очевидно чередование е—о в одних и тех же основах.

Также “несочетающиеся между собой принципиально разные закономерности”, упоминаемые здесь О.В. Твороговым, появляются в тексте ВК в силу того, что текст этот — сборный, составлен явно из разных источников, отличающихся временем напи-

сания и своими диалектными особенностями и поэтому автор каждого такого фрагмента (а на мнимый “создатель ВК”) действительно “не знает законов развития языка” — он просто говорит на нем и так и записывает свою речь (ведь письмо ВК — фонетическое), и именно поэтому “во многих случаях в разных словах, но в одинаковых фонетических позициях мы встретим взаимоисключающие по фонетической природе написания”, как О.В.Т. правильно подмечает, но делает из этого неверные выводы.

Далее О.В.Т. пишет: <<5. Древнерусский язык, в отличие от западнославянских языков, передавал общеславянское сочетание *kv как *цв-*, а *gv как *зв-*. В западнославянских языках это сочетание оставалось неизменным. Но во ВК мы встречаем и те и другие формы, что для одного и того же языка невозможно: *квенте* (7е), *квіетиц* (116), *цвѣтіе* (8), *звѣдиць* (116).

Но у В.И. Даля “неожиданно” находим: “*смб., влд., пск., орл. твѣтъ, твѣтокъ, твѣсти; вор., кур. твятокъ, твитокъ, квятокъ; мпрс. квитокъ — цвѣтъ, цвѣтокъ, цвѣсти*”). Таким образом, что для великорусского языка, по свидетельству В.И. Даля, возможно и неоспоримо (т.е. наличие “и тех и других форм”), то же, по О.В. Творогову, для древнерусского “невозможно”. Но разве украинский — малороссийский у В.И.Д. — и другие указанные им диалекты относятся к западнославянским языкам? Или граница между западными и восточными славянскими языками проходит не там, где до сих пор она предполагается? Или различия между западными и восточными славянскими языками не всегда в том, в чем нас продолжают убеждать “официальные ученые”? Или же эти славянские языки — вовсе не “западные и восточные”, и различать их надо не по географическому признаку (как, вроде бы, удобнее и проще), а по чему-то другому? И кроме того, они что, сами собой там и зародились, где сегодня находятся? Ведь исторический факт, например, что сербы не так давно жили в Прикарпатье. А вот усиленно (и небезуспешно) скрываемый всеми советскими, российскими и украинскими официальными деятелями — учеными и правительственными чиновниками — четвертый восточнославянский народ (со своими собственными языком и культурой) — русины (условно называемый иноязычным, молдавско-румынским, оскорбительным прозвищем “гуцулы”, что означает “разбойники”) имеет свое собственное имя, “сербы-русины”. Мало того, русины еще и живут там же где и жили — вот уж свыше трех с половиной тысяч лет (а может и больше), но официальные деятели молчат и об этом. Но сербы-русины это знают.

Свой фонетический экскурс в язык ВК О.В.Т. заключает так: <<Итак, обзор даже некоторых особенностей «фонетической системы» языка ВК убеждает нас, что не мог существовать язык со столь непоследовательной, противоречащей всем представлениям об истории славянских языков системой. Это искусственный язык, сконструированный к тому же крайне неграмотно и непоследовательно.>>

По поводу мнимой “непоследовательности” фонетики языка ВК выше уже было мной высказано, вывод же следует сделать такой, что противоречит она укоренившимся устарелым, далеко не полным представлениям “официальных ученых” о фонетической системе славянских языков и ее истории. Но после внимательного анализа попыток “официальных ученых” доказать фальсифицированность Влескниги становится очевидной именно их искусственность.

О.В.Т. продолжает: <<Обратимся теперь к грамматическому строю языка ВК. Здесь необходимо вспомнить о суждении С. Лесного: «Особенностью языка Влес-книги, говорящей в пользу ее глубокой древности, является то, что склонение существительных и прилагательных является весьма зачаточным, примитивным, подобным тому, что мы встречаем в языках иностранных. Склонение основывается не столько на изменении

флексий, сколько на изменении предлогов, стоящих перед словами».¹³ Полная лингвистическая некомпетентность С. Лесного предстает в этом суждении чрезвычайно наглядно. Он не знает, что аналитический строй некоторых современных «иностранных языков» (имеется в виду английский?) — это результат изменений, произошедших в средние века. Древнеанглийский язык, так же как и древнеславянские, был языком флективного строя. С. Лесному неизвестно, что уже общеславянский язык обладал четкой и последовательной грамматической системой.¹⁴ «Примитивность» грамматического строя ВК — не результат ее древности, а результат примитивности воззрений на историю языка ее создателей, отражение их стремления нагромождением несуразностей придать памятнику «архаичный вид». Приведем несколько примеров.>>

Можно согласиться с мнением О.В.Т., что С. Лесной в истории европейских языков некомпетентен. Однако кажущаяся на первый взгляд “примитивность” грамматики ВК объясняется именно чрезмерным пренебрежением “официальных ученых” Влескнигой и последовавшим отсюда далеко не достаточным ее анализом, который должен был быть комплексным и тогда можно было бы выявить особенности языка Влескниги, в котором отчетливо можно различить, как это уже выше указывалось, по крайней мере не менее трех диалектов. Так что же тогда остается делать некомпетентным в языковедении приверженцам неподдельности Влескниги, если “официальные ученые” не благоволили дать вразумительного полного объяснения, и можно ли это энтузиастам ставить в вину?!

Попутно же здесь можно задать “официальным ученым” один риторический вопрос. Известны ли в точности причины, по которым древние флективные языки (в том числе английский, раз уж он тут помянут, а среди славянских — болгарский) подавляющее число флексий утратили (в болгарском — только у имен)? Что, например, заставило французский язык (в начале Нового времени!) изменить и грамматику, и произношение — в течение жизни одного поколения (!) — больше чем наполовину? Английского языка касается то же самое; кроме того, он, как считается, дважды менял фонетическую систему на протяжении менее чем тысячи последних лет. И это дает формально полное право для предположения, что названные языки являются “системами, искусственно составленными невежественными создателями, владение которых теорией истории языка крайне примитивно”. Без шуток, именно примитивно, так как несколько сот лет назад, когда эти языки и начали обретать современный вид, языковедения как науки ведь не было! А о научной теории исторического развития языка никто и не помышлял! Кстати, подобное, и правда, дикое, допущение — не моя попытка лукавого теоретизирования, — в нашей стране существуют (исследователи? любители? фанатики? сумасшедшие?..) — в общем, некие личности, вполне серьезно доказывающие это по отношению к английскому, искусственность которого — для них — вполне очевидна... Излишне, видимо, подчеркивать, что ситуация тут почти параллельна ситуации с языком Влескниги. Только в случае с английским небольшое отличие: существуют письменные свидетельства, достаточно последовательно подтверждающие факты всех основных изменений английского, и доказывать неподдельность его развития в течение обозримого исторического периода, а также что древнеанглийский — не продукт подделки “невежественных создателей” никто и не собирается. Но, чисто теоретически, как говорится, если попробовать проанализировать какой-либо

---

¹³ Лесной С. «Влесова книга» — языческая летопись доолеговской Руси. Виннипег. 1966. Вып. 1. С. XX. — Прим. к «Что думают—2004».

¹⁴ Ср. обстоятельное описание грамматической системы общеславянского языка в классическом труде А. Мейе «Общеславянский язык» (М., 1951). — Прим. к «Что думают—2004».

древнеанглийский письменный памятник, базируясь даже на английском средневековом, не зная ничего и истории английского языка и не имея при этом никаких промежуточных письменных источников, можно прийти точно к тем же результатам, как и в случае с Влескнигой.

Но истинные памятники говорят сами за себя, своим содержанием (и грамматическим, и литературным), да и своим внутренним духом — независимо от того, что кто-то этого не видит — не хочет видеть — и пытается заставить других этому поверить.

Далее О.В.Т. пишет: <<На дощечке 7д мы читаем, например, фразу: *топто ма(т)ырьсва*¹⁵ *біацеть крыдлема о труды ратне а славе воіом якове іспіяхша воде живе. Матыресва* — постоянный персонаж ВК, это, видимо, чудесная птица (или божество), которая воспеваёт победы русичей. Итак, *матыресва біацеть* крыльями. Форма *крыдлема* — это творительный падеж двойственного числа, но, произведенная от слова *крыло*, она имела бы форму *крылома*. Однако автор ВК предпочёл придать слову западнославянскую форму (ср. старопольское: *krzydło*; чешское: *kridlo*). Странно сочетание *о труды ратне*: по смыслу здесь должна быть форма местного падежа *о трудѣхъ*. Ещё более удивительно, что определение не согласуется с определяемым существительным: следовало бы ожидать *труды ратны*. Форма *славе* находится в сочинительной связи с *труды* (союз *а* в ВК, как правило, употребляется в соединительном значении), но здесь перед нами уже форма местного падежа (впрочем, следовало бы — *о славе*). Что за форма *іспіяхша*? Если это аорист, то слово читалось бы как *испиша*, если имперфект, то *испяху*. Сочетание суффикса имперфекта *ях* и окончания аориста *ша* — невозможно. Глагол управляет существительным *вода*. Но как? Мы ожидали бы либо форму винительного падежа — *воду живу*, либо родительного части — *воды живы*. Форма *воде живе* (вместо *водѣ живѣ*) — местный падеж единственного числа — совершенно неуместна.>>

Здесь О.В.Т., в частности, пишет: “Форма *крыдлема* <...> Однако автор ВК предпочёл придать слову западнославянскую форму (ср. старопольское: *krzydło*; чешское: *kridlo*)”. Западнославянскую? А формы **неиздреуеньному** и **воздрастають** в ПВЛ (XI век) какие? До сих пор в просторечии говорят “стражаться” — это какая форма?.. И почему бы быдо не привести и польское соответствие *skrzydło*? Ведь тогда была бы видна основа слова, *кры-*, *инф.* *крыть*, и было бы видно, что общее исходное значение этого слова — “кроющее”, “скрывающее”, “покрывающее”, а древний суффикс причастия как раз *-t-*, который перед вторым суффиксом, *-l-*, озвончился. В современном русском же этот суффикс *-t-/ -d-* в данном слове выпал, подобно как в санскрите: *bhagavant* → *bhagavan*, *hanumant* → *hanuman*.

Далее он здесь пишет: “Странно сочетание *о труды ратне*: по смыслу здесь должна быть форма местного падежа *о трудѣхъ*. Ещё более удивительно, что определение не согласуется с определяемым существительным: следовало бы ожидать *труды ратны*”. А форма какого падежа слово “**богородица**” в **молитвами святыя богородица** (ПВЛ)? Или слова “**отець**” и “**дѣдъ**” в **на столъ отецъ наших и дѣдъ наших** (также из ПВЛ)? — Что характерно, здесь даже *х* на конце два раза без ера... А в **пред очима володимѣрима** какой падеж у “**володимѣрима**” (опять из ПВЛ)? — И здесь *д*, опять на конце, в “**пред**”, без ера. Или же в **чѣловеци чмираху различными недугы** какой падеж слова “**недугы**”? А ведь известно о существовании некоего особого падежа в древнерусском. И в форме этого общего (общекосвенного) падежа у некоторых слов, очевидно, совпадают все падежи, кроме звательного. Остатки его употребления встреча-

¹⁵ Исправлено, было “*ма(т)ырьсва*”. — НС.

ются в церковной и светской литературе практически до начала XX века. Мало того, реликты общего падежа нами используются до сих пор. Что такое, например, наречия “мало” или “много”? Ведь наречий как таковых в древности не было — как их нет и в санскрите. Что же означали эти приведенные два слова в древности? Это были формы (теперь застывшие) того же общего падежа от прилагательных **мал** и **мног** (пишу здесь намеренно без еров, т.к. слова эти оканчиваются на сонанты).

Странно кажется для О.В.Т. “сочетание *о труды ратне*: по смыслу здесь должна быть форма местного падежа *о трудѣхъ*<...> следовало бы ожидать *труды ратны*”. Но и по-польски до сих пор говорят *zielone góre* и т.п. — и не считают, что здесь нет согласования. Видимо, в польском просто сохранилась более древняя модель множественного числа прилагательных; очевидно, это потому, что в единственном числе мужского рода в прилагательном у них окончание *-у* (а не *-ый*, как в русском), и вот, чтобы не путать, например, *zielone* и *zielony*, окончания отличаются. А само выражение *о труды ратне а славе*, хотя здесь эти слова и в форме общего падежа (кстати сказать, очень часто там встречающегося) имеет смысл современного предложного, а не местного падежа — отвечает на вопрос “о чем?”, а не “куда?” Такое, непонятное с современной точки зрения, употребления предлога **о**, весьма часто встречающееся в ВК, встречается и в ПВЛ, и в более поздней литературе — вплоть до первой половины XX века (!), в образцах возвышенного стиля Б.В. Шергина.

Далее О.В.Т. вопрошает: “Что за форма *испнѣхша*? Если это аорист, то слово читалось бы как *испиша*, если имперфект, то *испнѣху*. Сочетание суффикса имперфекта *ях* и окончания аориста *ша* — невозможно”.

Справедливое замечание — с точки зрения традиционных правил “древнерусского” (средневекового русского) и церковнославянского, но если эти же правила а priori¹⁶ приписывать и языку на несколько столетий древнее, а не попытаться разобраться в “невозможных” формах, то как раз только одно это может привести к выводам о фальсифицированности текста лицами не разбирающимися в древней славянской грамматике. На деле же здесь мы имеем пример особой древней видовременной формы глагола, чрезвычайно широко встречаемой во Влескниге. Об этом я уже вкратце писал в ВК 2000 (Омск, с. 203—205); более подробное рассмотрение данной формы, названной, в отличие от более позднего древне-/среднерусского и церковнославянского перфекта, перфектной формой, дано мной в отдельной неопубликованной статье.

Здесь представляется достаточным упомянуть следующее. Полный (неэллиптический) вид этой формы состоит из смыслового глагола с характерными для нее суффиксами *-х/-ц/-, -цѣ(х)-* плюс личное окончание и вспомогательного глагола “быть” в соответствующей личной форме (например, *ѡмѣ Бѣшѣхом, ѡтахом ѡмѣ*).

Наряду с полным видом этой формы в текстах Влескниги чаще встречается ее эллиптический вид. (“Эллипсис” – пропуск в речи или тексте некоторых подразумеваемых, легко восстанавливаемых по контексту слов. Т.е. это некоторая структурная неполнота синтаксической конструкции. Встречается чаще всего в устной речи.) В ее эллиптическом виде опускается личный глагол.

Далее О.В.Т. пишет: “Глагол [*испнѣхша*] управляет существительным *вода*. Но как? Мы ожидали бы либо форму винительного падежа — *воду живу*, либо родительного части — *воды живы*. Форма *воде живе* (вместо *водѣ живѣ*) — местный падеж единственного числа — совершенно неуместна.” Разумеется, по вышеуказанным причинам “официальному ученому” форма *воде живе* представляется “совершенно неуместной”,

¹⁶ Лат. нар. априори, независимо от опыта, до опыта. — НС.

когда на деле это — форма общего падежа, о чем выше сказано довольно-таки достаточно для данного анализа рассматриваемого сборника.

Далее О.В.Т. пишет: <<Подобные примеры — грубые нарушения грамматической системы — мы встретим на каждом шагу. Это и невозможные в языке глагольные формы: *бяхеом* (7б), *варензе ведле наше вое* (7в), *изроняшехомо* (7в), *побѣдятьте врази* (7д), *легнь суне спате* (7ж), *грм грмыщаеть* (8) и др. Это и неверное управление: *зовенхом... вутце наше* (7в), *идьема до... небі* (7э), *идяшете до земе* (7э), *пря влика о брезѣх море годѣстѣ* (9), *готіем обрацете стрела сва* (13), *творящете земе нашиу* (17а) и др. Это и отсутствие согласования у прилагательного с определяемым им существительным: *шед за отце наша* (7в), *вендле троянь валу* (7ж), *колніті главе сва* (6в), *о седмѣ рѣцѣх* (9а) и т. д. Причем изобретательность создателя ВК в создании подобных неправильных форм крайне ограничена. Он любит, например, флексию *е* и употребляет ее особенно часто: *та бо ріека есе до мрнже тецяі* (5а), *а крве ліаши* (5б), *преленте... птице бжеска* (6а), *вельце снезе* (именительный падеж! — 6а), *вед ю на нове земле* (6б), *изволокша меще* (6в), *рѣнице ренбы*¹⁷ *пльнѣ* (9б), *два дщере* (16), *траве све... хранете* (17б) и т. д.>>

Здесь, в частности О.В.Т. пишет: “*готіем обрацете стрела сва* (13)”; здесь, в действительности, Г0ТІЄМ (в 13 в.м. Б0 ТІЄМ) — на них-то, поскольку Готы во Влескниге называются исключительно Г0ДЬ или Г0ДЄ, т.е. с “Д” в корне. По поводу же “невозможных в языке глагольных форм” можно сказать, что “*бяхеом*” — перф. ф. 1 л. мн. ч. были ◊ полный вид перф. формы, в 7а: СМЄ БЯШЄХОМ; “*ведле*” — прич. пр. вр. мн. ч. ведущие (возм., и вед(у)щие); “*изроняшехомо*” — перф. ф. 1 л. мн. ч. роняем; “*побѣдятьте*” — инф. победить ◊ а (да) побѣдятьте — чтобы победить; “*легнь*” — ЛГНЬ (в.м. ЛГНЄ) — наст. вр. 3 л. ед. ч. ляжет; “*грмыщаеть*” — наст. вр. 3 л. ед. ч. гремит; громышает. Но “невозможными” они представляются О.В. Творогову потому, что не соответствуют “традиционным” представлением о том “как должны выглядеть” словоформы древнерусского. Но даже если рассмотреть внимательно общедоступный текст Повести временных лет (ПВЛ), подобных “невозможных” форм можно найти в изобилии, поскольку там — живой язык, хотя и находящийся под влиянием церковнославянского, и, конечно же, в живом языке, записанном фонетически (а ведь, следует еще раз подчеркнуть, практически до конца XVIII века так все и писали) обнаруживаемые примеры — не “невозможности”, а отражения живых процессов в живом языке. Поэтому и упоминаемое тут “неверное управление” объясняется также отличием грамматической системы языка во времена IX века и раньше. То же относится и к “излюбленной” предполагаемым автором-мистификатором “флексии *е*”, но даже в ПВЛ встречаем крайне необычную для русского той поры (и церковнославянского) форму **княгини** (-и для им. п. ед. ч. ж. р.!), находящую параллель в польском (*sprzedawczyni* продавщица, *gospodyni* хозяйку) — как бы объяснил это уважаемый многоученный О.В.Т.?.

Далее О.В.Т. пишет: <<Отметим также большое число различных слов в ВК — сербских, польских, украинских, чешских и т. д. Причем это отнюдь не слова древнесербского или древнепольского языка, появление которых в языке ВК еще можно было попытаться как-то объяснить, а именно современная лексика: таково слово *суньце* (*солнце*), напоминающее современное сербско-хорватское слово *сунце*; болгаризм *земя*, слова, напоминающие (по произношению) «полонизмы» — *морнже* (*morze*), *одповендехом* (ср. *odpowiedać* — отвечать), *згинещеши* (ср. *zginąć* — погибнуть), *менж* (ср. *maż*), *гура* (ср. *góra*) и др.>>

¹⁷ Эта форма могла бы, согласно орфографии ВК, появиться вместо *рѣба* или *рѣба*, но не вместо *рыба*. — Прим. к «Что думают—2004».

Здесь, О.В.Т. пишет о якобы наличии во Влескниге различных современных славянских слов (“сербских, польских, украинских, чешских и т. д.”), например, “таково слово *суньце* (*солнце*), напоминающее современное сербско-хорватское слово *сунце*”

Понятие “солнце” в ВК передается словами *СУРА, СУРѢ, СУРІ, СУРІЄ, СУРІЧ, СУРЬ, СУРІА*, а также *СУНѢ, СУНІЄ, СУНЬ, СУНЬЦѢ*. Санскритское (и древнее арийское) “сурья” имеет вариант “сура”. По-санскритски “су” означает “добро, благо”, а “ра” – “способствующий”. В древнерусском *СУНѢ* очевиден тот же корень, что и в санскритском “сурья”, только с другим суффиксом. Таким образом можно выстроить цепочку преобразований: *СУРА/ СУРІА–СУРѢ–СУНѢ–СУНЦѢ–СУНЬЦѢ–СЪОНЦѢ–СЛОНЦѢ–СОЛНЦѢ*. Кажется, кроме восьмого варианта все остальные зафиксированы в древних письменных источниках. Вариантам *СЪОНЦѢ–СЛОНЦѢ* соответствуют современные болгарское “слънце” и польское “słońce”, которое сейчас произносится именно как древнее *СЪОНЦѢ*, только с мягким “н”, *СЪОНЦѢ*. Также можно вспомнить и сербское *сунце*, соответствующее четвертому варианту цепочки. Но *суньце* ближе всего не современному сербско-хорватскому, а польскому слову — *słońce* и именно мягким *н*. В заключение можно еще добавить, что, кроме как через такие плавно переходящие друг в друга варианты преобразования произношения и формы (т.е. с добавлением уменьшит.-ласкат. суффикса -це) невозможно вообразить переход *СУРА/ СУРІА* в *СОЛНЦѢ* или наоборот, *СОЛНЦѢ* в *СУРА/ СУРІА*. И уже из некоторых вариантов этой цепочки можно вообразить происхождение таких вариантов как англ. *sun* (древнеангл. *sunne*), лат. *sōl*, нем. *Sonne*. И для этого вовсе ни к чему изобретать “общеидеоевропейское” *sāwel*, да еще с предполагаемыми вариантами *s(u)wel-*, *s(ə)wel-*, *s(ə)el-*, *s(ə)en-*, из чего лингвисты выводят *sun-*, как сокращенную форму предполагаемого **saəwel*, да еще с одним вариантом *swen-*, чтобы объяснить появление *sunne/ sun* и чтобы это, к тому же не противоречило латинскому *sol* (и русскому “солнце”).

Далее, “болгаризма *земля*” в ВК не наблюдается, т.к. понятие “земля” во Влескниге передается словами *ЗЕМѢ, ЗЕМѢЪ, ЗЕМІЄ, ЗЕМЛЄ, ЗЕМЬ, ЗЕМЬЪ*, но формы “земля” нет. Кстати, по-польски “земля” звучит тоже похоже, *ziemia*.

Далее, о “полонизмах”, — *морнже* (*morze*): “МОРНЖѢ (*вм. МОРЖЕН, фонетич. МОРЖЪ*) – *вин., род., твор. п. от море*” — о характерных для современного польского звуках -ж-/ -ш- и чешских звукосочетаниях -рж-/ -рш- уже пояснялось, что их появление может быть вызвано какуминальным или ретрофлексным вариантом произношения звука *р* (с кончиком языка, загнутым назад) в некоторых древних диалектах. Следующий пример О.В.Т., *одповендохом* (ср. *odpowiadać* — отвечать), — кстати, по-польски отвечать — *odpowiadać*, небольшая и, в общем-то, вполне простительная ошибка. Другие же приведенные примеры называть “полонизмами” также вряд ли возможно, т.к. *одповендохом* не вполне соответствует польскому *odpowiadać* прежде всего потому, что гласный в корне в польском не носовой. В *згинецешши*, по сравнению с *zgiąć*, наоборот, в польском корневой — носовой. Слово *менж* также не может быть названо заимствованием из современного польского, т.к. в *taż* гласный — носовое *о*, а не носовое *е*. Остается, под большим вопросом, *гура*, но и оно может быть объяснено посредством того, что произнесение безударного “о” может в окающем говоре давать “у” (что характерно для болгар, имеющих “неокающее” произношение, в отличие, например, от русского).

Итак, О.В.Т. завершает свою статью: <<Иными словами, анализ языка ВК не оставляет ни малейших сомнений в том, что перед нами искусственный и крайне неумело сконструированный «язык», создатель которого руководствовался, видимо, лишь одним правилом: чем больше несуразностей окажется в тексте, тем архаичнее он будет выглядеть. На каких читателей рассчитывал он, столь наивно полагая, что грубая подделка

кого-то сможет ввести в заблуждение при высоком уровне развития славистики, — сказать трудно. Но нельзя с огорчением не отметить, что такие наивные читатели все же обнаружались.>>

Подводя итоги анализу “разгромных” статей О.В.Т., можно сказать, что попытки доказательства той позиции, что ВК — подделка, проверки на достоверность не выдерживают, и именно их и можно назвать искусственными и недоказательными. О.В.Т., видимо, полагал, что его положение как представителя “официальной науки” само уже является гарантией того, что его попытки доказательства поддельности ВК сомнению не подвергнутся. Но трудно сочинить доказательство подложности неподдельного письменного памятника. Показать же и объяснить особенности неподдельного источника, если честно придерживаться научного метода, вполне возможно.